

УДК 821.161.1

ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ И ОБРАЗЫ В ЛИРИКЕ Н. А. НЕКРАСОВА: БОГОСЛОВСКИЙ И ИНДИВИДУАЛЬНО- АВТОРСКИЙ АСПЕКТЫ

**Священник Дмитрий Николаевич
Рожнов**

магистрант Тамбовской духовной
семинарии, направление подготовки
«Теология», профиль «Русская
духовная словесность»
E-mail: reverend@ro.ru

Для цитирования: Рожнов Д. Н., священник. Христианские мотивы и образы в лирике Н. А. Некрасова : богословский и индивидуально-авторский аспекты // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2021. № 1 (14). С. 193–206. DOI: 10.51216/2687-072X_2021_1_193.

Аннотация

Статья посвящена осмыслению христианских мотивов и образов в контексте творчества Н. А. Некрасова. Предпринята попытка определить уровень религиозности автора и идентифицировать его подход к написанию произведений с богословской точки зрения. Автор приходит к выводу, что христианские мотивы и образы трансформируются в творчестве Некрасова и, сохраняя внешнюю форму, наделяются новым индивидуально-авторским значением, кардинально противоположным духовному смыслу традиционных христианских понятий.

Ключевые слова: Николай Алексеевич Некрасов; христианские мотивы; христианские образы; русская поэзия; евангельские темы.

Христианские мотивы и образы пронизывали произведения русского поэта Н. А. Некрасова на протяжении всего его творческого пути. Православные храмы являлись неотъемлемым атрибутом воспетых поэтом сельских пейзажей [6]:

Храм Божий на горе мелькнул
И детски чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул.

(«Тишина»)

Поэт создал несколько образов пастырей Церкви, например отца лирической героини в стихотворении «Детство» или священника в монументальной поэме «Кому на Руси жить хорошо». В стихотворениях Некрасова действуют аскеты-подвижники, монахи-отшельники, странники [3]; упоминает поэт и Христа Спасителя:

Войди! Христос наложит руки
И снимет волею святой
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совести больной.

(«Тишина»)

Неоднократно он использует библейский образ двух путей – узкого и широкого, один из которых является синонимом спасения, а другой – вечной гибели [5]. В творчестве Некрасова можно встретить покаянные мотивы: сознанием своего недостойнства и самобичеванием проникнуты многие его стихотворения:

Я внял... я детски умилился...
И долго я рыдал и бился
О плиты старые челом,
Чтобы простил, чтоб заступился,
Чтоб осенил меня крестом
Бог угнетенных, Бог скорбящих,
Бог поколений, предстоящих
Пред этим скудным алтарем!

(«Тишина»)

Христианские мотивы и образы в творчестве поэта, который известен своими революционными взглядами и мятежными призывами, тем не менее, не удивительны. Некрасов был, прежде всего, русским поэтом, более того, он был поэтом народным, и эти два фактора кардинально повлияли на его творчество. Вне

зависимости от личного отношения к религии творчество русских писателей и поэтов отражало особенности русского менталитета, который в своей основе зиждился на православных духовно-нравственных ценностях. В случае же Некрасова это усугублялось той чуткостью, которую он проявлял к народным традициям и обычаям, мастерски воплощая их элементы в своих стихах.

Кроме того, в лирике поэта также отразилась неоднозначность русского характера, тем более что отношение самого Некрасова как к жизни, так и к религии, к основополагающим православным нормам жизни было далеко не однозначным, делая его человеком крайне противоречивым. В своем творчестве он пытался примирить непримиримое: смирение и гордыню, покаяние и призывы к насилию, к революционной борьбе. Он искренно восхищался несокрушимой силой русского характера, его терпением и стойкостью, которые основывались на евангельской кротости. Он остро переживал беды и злоключения русского народа, чувствовал сострадание к нему, тревогу за судьбу Отечества и свою ответственность, в результате чего то терзался сознанием собственного бессилия что-либо изменить, то с присущей ему страстностью начинал верить, что только вследствие революционных потрясений возможно создать рай на земле.

Однако поэт не мог не чувствовать уязвимость такой позиции, из которой проистекали обреченность и трагизм его лирики. Оставив от Православия только внешнюю оболочку, он изгнал из своего творчества самую суть евангельского закона. Поэт часто смещал акценты, сознательно искажая духовный смысл христианских мотивов и образов и наполняя их новым, социально-политическим содержанием.

Например, образ христианского подвижника в творчестве Некрасова трансформировался в образ революционера. Конечно, в его лирике действуют и подвижники в чисто религиозном смысле (например, Фомушка и Ефросиньюшка из поэмы «Кому на Руси жить хорошо» или Влас из одноименного произведения), поскольку они оставались элементами, органически присущими крестьянскому миру. Однако такие герои встречаются крайне редко, и, кроме того, они часто выступают в эпизодической роли [3].

Гораздо больший интерес представляли для Некрасова подвижники в широком смысле этого слова. Идеальным героем для поэта являлся борец за народное счастье, поэтому Крот в стихотворении «Несчастные» или декабристы в поэмах «Дедушка» и «Русские женщины» представлены Некрасовым в параметрах святости. Как отмечает Лебедев, «в сознании героини [княгини Трубецкой] ее муж и друзья, гонимые и преследуемые властями, предстают в ореоле страстотерпцев. В поэме «Русские женщины» есть скрытая параллель с одной из заповедей блаженства из Нагорной проповеди Иисуса Христа: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царствие Небесное» (Мф. 5, 10) [4, с. 63].

В описании дедушки явно прослеживаются отсылки к Евангелию и агиографической литературе:

Строен, высокого роста,
Но как младенец глядит,
Как-то апостольски просто, ровно всегда говорит.
(«Дедушка»)

Поэт сравнивает декабриста, замыслившего государственный переворот и восставшего против царя, с апостолом, последователем Христа, учение которого основывалось на принципах любви, кротости и незлобия. Сравнение «как младенец глядит» является аллюзией на слова Спасителя: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18, 3). «Детскость» как синоним святости не раз встречается в описании некрасовских аскетов – подвижников-революционеров, которых поэт считал истинными народными заступниками:

Как спицы ноги, детский голос,
И, словно лен, пушистый волос
На голове и бороде.
(«Несчастные»)

Однако в другой сцене стихотворения «Несчастные», у постели умиравшего каторжанина, «смиренный, кропотливый Крот»

больше походит на ветхозаветного пророка, который, вдохновляемый благодатью Святого Духа, отважно бросает обвинительные речи в лицо сильным мира сего:

Вдруг кто-то крикнул: «Нет в вас Бога!» ...
Корит, грозит! Дыханье трудно,
Лицо сурово, как гроза,
И как-то бешено и чудно
Блестят глубокие глаза...

(«Несчастные»)

По замыслу автора, ревностная отповедь подвижника не могла не оказать влияние даже на загрубевшие сердца каторжан, так же, как горячая обличительная проповедь пророков трогала души царей и народов.

Смутились мы. Какая сила
Ему строптивых покорила –
Бог весть! Но грубые умы
Он умилил, обезоружил,
Он нам ту бездну обнаружил,
Куда стремглав летели мы!

(«Несчастные»)

Пророческими настроениями и предчувствием справедливого воздаяния за беззакония проникнуты и размышления героя поэмы «Дедушка» о судьбе Отчизны, которые, несомненно, апеллируют к пророческим книгам Ветхого Завета. По мнению Лебедева, «грозные библейские мотивы буквально пронизывают эту поэму. Герой оглашает свою «келью» «вавилонской тоской». Эта тоска – напоминание о трагических событиях библейской истории, о разрушении одного из самых богатых и преуспевающих царств» [4, с. 62]. Достаточно провести параллель со словами пророка Исайи: «Горе тебе, опустошитель, который не был опустошаем, и грабитель, которого не грабили! Когда кончишь опустошение, будешь опустошен и ты; когда прекратишь грабительство, разорят и тебя» (Ис. 33, 1):

Непроницаемой ночи
Мрак над страной висел...
Видел – имеющий очи
И за отчизну болел.
Стоны рабов заглушая
Лестью да свистом бичей,
Хищников алчная стая
Гибель готовила ей...
(«Дедушка»)

Неудача попытки синтезировать революционное просветительство и православное христианство была обусловлена двумя важными факторами. Во-первых, потому, и об этом уже упоминалось выше, что, по мнению революционеров в целом и Некрасова в частности, удовлетворить поруганное чувство социальной несправедливости можно было, только преступив евангельский духовно-нравственный закон. Не случайно в стихотворениях Некрасова часто встречаются такие метафоры, как «гордая ненависть», «дикий гнев», «жажда мщенья», которые вступают в острый конфликт с базовыми понятиями Православия: любовью, смирением, всепрощением, милосердием.

Во-вторых, жертвенность, которую воспекает поэт, – это не та жертвенность, которая была освящена Великой Жертвой, принесенной Сыном Божиим на Голгофе. Ибо только Богу было под силу сотворить такое, чтобы смерть оказалась не концом, но началом новой жизни. За крестной смертью Христа последовали сошествие Спасителя во ад, когда из бесовского плена были вырваны и выведены в райские обители праотцы, пророки и другие праведники. На третий же день произошло величайшее чудо Воскресения Христа, которое является основой православной веры, ибо, по слову епископа Александра (Милеанта), «Христовым воскресением дарована нам вечная жизнь» [1], бессмертие не только души, но и обновленной человеческой плоти.

Жертвы же, приносимые некрасовскими героями, по сути своей оказывались бесполезными, поскольку со смертью революционера-аскета обрывалось дело его жизни. Единственное бессмертие, на которое могли рассчитывать такие подвижники, а точнее, на которое рассчитывал Некрасов, – народная память. Однако отече-

ственная история уже не раз демонстрировала нам, насколько это слабое утешение, которое больше похоже на безуспешную попытку найти хотя бы какой-то смысл в приносимой жертве.

Противоречивость некрасовского мировоззрения реализовалась и в других образах и мотивах. Например, образ храма, который порой вызывает в сердце лирического героя чувство умиления, временами несет в себе другой, более негативный смысл. В частности, в стихотворении «Детство» образ церкви является одним из центральных. Для ее описания поэт использует такие эпитеты, как «убогая», «неровная», «серая», «старый», «ветхий», «бедный»; метафору «остатки убогие»; сравнение – храм «словно больной, от которого врач отказался, оставлено времени старое здание», вследствие чего в читательском восприятии формируется негативная картина.

Как и в случае с некрасовскими подвижниками, пребывание в таком храме не дарует чувства умиротворения, порожденного ощущением особого присутствия высшей животворящей силы, более могущественной, чем усилия любого человека или даже целого народа. Поэт наполняет этот образ социально-политическим содержанием. С одной стороны, описывая разваливающееся здание храма, он подчеркивает тяжелое положение крестьян, которые ничем не могли помочь церкви, где они отмечали самые значимые события своей жизни: рождение и смерть, Причащение, Покаяние и Венчание.

Однако Некрасов не был бы великим, а тем более народным поэтом, если бы не мог чутко реагировать на явления современной ему жизни. Обладая настоящим талантом, он детально, с фотографической точностью фиксировал реалии окружающей его действительности; спорными можно назвать скорее его интерпретацию происходивших событий или предлагаемые поэтом пути радикального решения. Так, в стихотворении «Детство» в бедственном положении храма поэт также отразил утилитарное отношение крестьян к дому Божию, поскольку зачастую они видели в нем только место для совершения необходимых обрядов, чему мы получим подтверждение в других произведениях поэта. Упадок духовности в среде русского крестьянства, акцент на внешнем обрядовости зафиксирован не только в лирике Некрасова, но также в отчетах благочинных и других документах XIX столетия [7].

С негативным отношением крестьян к священнослужителям мы сталкиваемся в монументальной поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Здесь этому посвящена целая глава, которая так и называется – «Поп». Уже в «Прологе» мы видим, что во время спора о том, кому «живется весело, вольготно на Руси», один из крестьян утверждает, что, конечно, попу. Однако в главе «Поп» поэт опровергает это утверждение, показывая нам совершенно другую картину. Следует отметить, как просто и беззлобно священник из поэмы общается со своей паствой в лице крестьян-правдолюбцев, безыскусно описывая нелегкую жизнь сельских священнослужителей:

Дороги наши трудные.
Приход у нас большой.
Болящий, умирающий,
Рождающийся в мир
Не избирают времени:
В жнитво и в сенокос,
В глухую ночь осеннюю,
Зимой, в морозы лютые.
И в половодье вешнее –
Иди куда зовут!
Идешь безотговорочно.
И пусть бы только косточки
Ломались одни, –
Нет! всякий раз намается,
Переболит душа.
Не верьте, православные,
Привычке есть предел:
Нет сердца, выносящего
Без некоего трепета
Предсмертное хрипение,
Надгробное рыдание,
Сиротскую печаль!

(«Кому на Руси жить хорошо»)

Далее из речи священника мы узнаем, что жизнь сельских священнослужителей полна не только физических тягот и душевных страданий. Отсутствие уважения со стороны паствы не менее ранит сердце пастыря. Он вопрошает мнущихся и молча-

щих крестьян: «Кого вы называете / Породой жеребьячьей?», «С кем встречи вы боитесь, / Идя путем-дорогою?», «О ком слагаете / Вы сказки балагурные, / И песни непристойные, / И всякую хулу?..»

Пренебрежительное отношение к православным храмам, следствием которого стало и бедственное положение священнослужителей, отмечает священник и в дворянской среде. Если раньше значимые события в жизни помещика, как то: венчание, крещение детей, покаяние и проводы в последний путь – были тесно связаны с храмом, то «...ныне уж не то! Как племя иудейское, / Рассеялись помещики / По дальней чужеземщине / И по Руси родной». Таким образом, лишенные материальной поддержки как со стороны дворян, так и крестьян, чья участь и так была довольно тяжелой, сельские священнослужители жили в бедности, если не сказать в нищете, а церкви ветшали и разрушались.

Однако, несмотря на нелегкое положение пастыря, а скорее всего, благодаря ему, в словах священника слышится неподдельное сочувствие по отношению к его пастве, поскольку он сам, не понаслышке знает, каково это, когда «...угоды наши скудные, / Пески, болота, мхи, / Скотинка ходит впроголодь, / Родится хлеб сам-друг, / А если и раздобрится / Сыра земля-кормилица, / Так новая беда: / Деваться с хлебом некуда! / Припрет нужда, продашь его / За сущую безделицу, / А там – неурожай! / Тогда плати втридорога, / Скотинку продавай». Крестьянских женщин пастырь называет «печальницами, кормилицами, поилицами, рабынями, богомолицами и труженицами вечными», скорбит о том, что крестьянам живется настолько тяжело, что не поднимается рука взять с них оплату, которая причиталась за совершенную требу.

Однако в своем итоговом произведении, которое, по мнению исследователей, «вобрало в себя самые ценные идеи, темы, мотивы, образы, стилистические и языковые приемы предшествующих произведений» [3, с. 94], Некрасов все-таки остается верен своим революционным взглядам и не оставляет попыток выразить их с помощью православных мотивов и образов. В частности, в той же поэме в 4-й части есть рассказ «О двух великих грешниках», в котором поэт выводит образ монаха-отшельника, созданный, на первый взгляд, в традициях агиографической ли-

тературы. Когда-то атаман Кудеяр был «лютым разбойником», однако раскаялся в своих грехах, пожертвовал имущество в пользу Церкви, совершил паломничество ко Гробу Господню и проводил в течение многих лет аскетическую жизнь в лесной чаще. Подобные истории неоднократно встречаются в житиях святых, повествующих о великом покаянии разбойников или блудниц (преподобный Моисей Мурин, преподобная Мария Египетская и др.) и об их последующей жизни, наполненной сугубой молитвой и аскетическими подвигами.

Однако в классическом житии святого это приводит к прощению грешника и стяжанию им благодатных даров Святого Духа. В рассказе же Некрасова об отшельнике Кудеяре многочисленные благочестивые подвиги не смогли обеспечить ему окончательного искупления. Бывший грешник почему-то получает прощение у Некрасова только после того, как совершает убийство жестокого пана Глуховского:

Рухнуло древо, скатилось
С инока бремя грехов!..
Господу Богу помолимся:
Милуй нас, темных рабов!
(«Кому на Руси жить хорошо»)

Таким образом, классический житийный сюжет получает совершенно новую, некрасовскую интерпретацию, которая противоречит самой сути православного вероучения в целом и 6-й Божественной заповеди «не убий» в частности. Искажается также смысл таинства Покаяния, которое направлено на очищение души от грехов, исправление своей жизни и примирение с Богом. Другими словами, поэт пытается использовать основные христианские понятия для того, чтобы оправдать и канонизировать революционный терроризм.

В заключение можно привести слова М. М. Дунаева: «Главным содержанием поэзии Николая Алексеевича Некрасова были любовь и сострадание к простым людям, к народу русскому, к русской земле» [2], и это позволило ему создать немало ярких народных образов. Однако чрезмерное упование на человеческие силы в стремлении побороть зло обусловило противоре-

чивость его творчества. С одной стороны, многие исследователи отмечают органическую связь лирики Некрасова со Священным Писанием и святоотеческой традицией, которая стала возможной вследствие «искренней потребности обрести душевный покой в обращении к Богу» [2]. С другой – следует признать, что писатель сознательно подменяет истинный смысл православных мотивов и образов с целью обосновать справедливость революционного пути в решении сложных проблем. Таким образом, социально-политическая проблематика доминирует в творчестве поэта над духовно-нравственной. Его понимание христианских мотивов и образов вступает в кардинальное противоречие с традиционным значением, принятым в православной культуре, и искажает духовный смысл основополагающих христианских понятий и принципов.

Список литературы

1. *Александр (Милеант), еп.* Воскресение Христово – победа над смертью / епископ Александр (Милеант). – Текст: электронный // Азбука веры : православ. энцикл. : [портал]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Mileant/voskresenie-hristovo-pobeda-nad-smertyu/ (дата обращения: 15.10.2020).

2. *Дунаев, М. М.* Православие и русская литература. Т. 2, ч. 3 / М. М. Дунаев. – Текст: электронный // Азбука веры : православ. энцикл. : [портал]. – URL: <https://azbyka.ru/fiction/pravoslavie-i-russkaya-literatura-tom-ii-chast-3-dunaev/12/> (дата обращения: 04.03.2020).

3. *Житова, Т. А.* Идеино-художественная концепция праведничества в поэзии Н. А. Некрасова : специальность 10.01.01. «Русская литература» : дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Житова Татьяна Алексеевна ; Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2006. – 197 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/ideino-khudozhestvennaya-kontseptsiya-pravednichestva-v-poezii-na-nekrasova/read> (дата обращения: 06.10.2020).

4. *Лебедев, Ю. В.* Христианские и фольклорные мотивы в поэзии Н. А. Некрасова / Ю. В. Лебедев. – Текст: электронный // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Не-

красова. – 2016. – № 4. – С. 59–64. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hristianskie-i-folklornye-motivy-v-poezii-n-a-nekrasova/viewer> (дата обращения: 15.11.2020).

5. Макарова, С. Н. Идеал человека в лирике Н. А. Некрасова в свете православной традиции : специальность 10.01.01. «Русская литература» : дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Макарова Светлана Николаевна ; Ульяновский государственный университет. – Ульяновск, 2012. – 218 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/ideal-cheloveka-v-lirike-na-nekrasova-v-svete-pravoslavnoi-traditsii/read> (дата обращения: 19.11.2020).

6. Мишина, Г. В. Образотворческая триада детство – природа – храм в произведениях Н. А. Некрасова : специальность 10.01.01. «Русская литература» : дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Мишина Галина Витальевна ; Стерлитамакская государственная педагогическая академия. – Стерлитамак, 2007. – 174 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/obrazotvorcheskaya-triada-detstvo-priroda-khram-v-proizvedeniyakh-na-nekrasova/read> (дата обращения: 19.11.2020).

7. Розов, А. Н. Священник в духовной жизни русской деревни / А. Н. Розов. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2003. – 253, [1] с. – ISBN 5-89329-559-5. – Текст: непосредственный.

UDC 821.161.1

CHRISTIAN MOTIVES AND IMAGES IN N. A. NEKRASOV'S LYRICS: THEOLOGICAL AND INDIVIDUAL AUTHOR'S ASPECTS

Dmitry N. Rozhnov, Priest

Master's degree student at

Tambov Theological Seminary

Majoring in Theology

Specialization: Russian Spiritual

Literature

E-mail: reverend@ro.ru

For citation: Rozhnov D. N., Priest. Christian motives and images in N. A. Nekrasov's lyrics: theological and individual author's aspects // Theological collection of the Tambov Theological Seminary. Tambov, 2021, no. 1 (14) pp. 193–206 (in Russian). DOI: 10.51216/2687-072X_2021_1_193.

Abstract

The article is devoted to the understanding of Christian motives and images in the context of N. A. Nekrasov. An attempt is made to determine the level of religiosity of the author and to identify his approach to writing works from theological point of view. The author comes to the conclusion that Christian motives and images are transformed in Nekrasov's work and, while retaining their external form, are endowed with a new individual author's meaning, which is fundamentally opposite to the spiritual meaning of traditional Christian concepts.

Keywords: Nikolay Alekseevich Nekrasov; Christian motives; Christian images; Russian poetry; gospel themes.

References

1. Alexander (Mileant), Bishop. Voskresenie Khristovo – pobeda nad smert'yu [Resurrection of Christ is the victory over death]. *Azbyka very: pravoslavnyaya entsiklopediya* [ABC of Faith: Orthodox Encyclopedia]. (in Russian). Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Mileant/voskresenie-hristovo-pobeda-nad-smertyu / (Accessed: 10.15.2020).

2. Dunaev M. M. *Pravoslavie i russkaya literatura* [Orthodoxy and Russian literature]. Vol. 2, part 3. *Azbuka very: pravoslavnaya entsiklopediya* [ABC of Faith: Orthodox Encyclopedia]. (in Russian). Available at: <https://azbyka.ru/fiction/pravoslavie-i-russkaya-literatura-tom-ii-chast-3-dunaev/12/> (Accessed: 03.04.2020).

3. Zhitova T. A. *Ideino-khudozhestvennaya kontseptsiya pravednichestva v poezii A. N. Nekrasova*. Diss. kand. filol. nauk [The ideological and artistic concept of righteousness in the poetry of N. A. Nekrasov. Cand. philol. Sci. diss.]. Moscow State Pedagogical University, Moscow, 2006. 197 p. (in Russian). Available at: <https://www.dissercat.com/content/ideino-khudozhestvennaya-kontseptsiya-pravednichestva-v-poezii-na-nekrasova/read> (Accessed: 10.06.2020).

4. Lebedev Yu. V. *Khristianskie i fol'klornye motivy v poezii N. A. Nekrasova* [Christian and folklore motives in the poetry of N. A. Nekrasov]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Bulletin of Kostroma State University named after N. A. Nekrasov]. 2016, no. 4, pp. 59–64. (in Russian). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/hristianskie-i-folklornye-motivy-v-poezii-n-a-nekrasova/viewer> (Accessed: 15.11.2020).

5. Makarova S. N. *Ideal cheloveka v lirike N. A. Nekrasova v svete pravoslavnoi traditsii*. Diss. kand. filol. nauk [The ideal of man in the lyrics of N. A. Nekrasov in the light of the Orthodox tradition. Cand. philol. sci. diss.]. Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, 2012, 218 p. (in Russian). Available at: <https://www.dissercat.com/content/ideal-cheloveka-v-lirike-na-nekrasova-v-svete-pravoslavnoi-traditsii/read> (Accessed: 19.11.2020).

6. Mishina G. V. *Obrazotvorcheskaya triada detstvo – priroda – khram v proizvedeniyakh N. A. Nekrasova*. Diss. kand. filol. nauk. [Figurative and educational triad childhood – nature – temple in the works of N. A. Nekrasov. Cand. philol. sci. diss.]. Sterlitamak State Pedagogical Academy, Sterlitamak, 2007, 174 p. (in Russian). Available at: <https://www.dissercat.com/content/obrazotvorcheskaya-triada-detstvo-priroda-khram-v-proizvedeniyakh-na-nekrasova/read> (Accessed: 19.11.2020).

7. Rozov A. N. *Svyashchennik v dukhovnoi zhizni russkoi derevni* [Priest in the spiritual life of the Russian village]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2003, 253, [1] p. (in Russian)